

Пантелеймон Куліш і Василь Тарновський молодший: штрихи до взаємин

Василь Васильович Тарновський був знайомий з багатьма видатними людьми свого часу, прославленими діячами України. Дружні стосунки він підтримував, зокрема, з Пантелеймоном Олександровичем Кулішем. Яскравим свідченням цього є епістолярна спадщина останнього. Частина її була видрукувана свого часу на шпальтах журналу “Киевская старина” . Листи ж П.Куліша до В.Тарновського¹, які залишились невідомими читачеві, наводимо нижче.

У своїх листах Пантелеймон Олександрович неодноразово звертався до молодшого друга з приводу численних порад та допомоги у вирішенні питань як суґубо життєвого характеру, так і пов’язаних із творчою діяльністю.

Перший лист датований 15 листопада 1855р. Куліш тільки-но приїхав до Києва, найняв у Мартинова квартиру і зразу ж заходився облаштовувати її, звернувшись по допомогу до Тарновського.

Маленький за обсягом, проте досить цікавий за змістом другий лист - від 30 листопада того самого року. Він дає змогу пролити світло на маловідомі (а, може, й невідомі) сторінки історії випуску у світ “Чернігівського літопису”, виявленого М.М. Білозерським.

Останній лист від 8 березня 1876 р. Він цікавий тим, що його автор ділиться думками з приводу спроб (на жаль, марних) заснувати власний орган - “Київський журнал”.

Про дружбу, повагу, спільні інтереси та взаємні симпатії свідчать і інші листи П.Куліша до В.Тарновського. Вони дають змогу доповнити віхи біографії цих двох видатних синів свого часу, якими по праву має пишатися Україна, передусім - Чернігівщина.

* * *

Вчера вечером я хотел зайти к Вам, но встретилась помеха. Сегодня я еду за женою. Квартиру нашел в доме Мартынова во флигеле. Будьте так добры, Василий Васильевич, отрядите кого-нибудь из Ваших слуг купить мне три сажени дров, и одну из них заказать пильщикам перепилить, а две оставить в первобытном состоянии. Перепиленные дрова пускай сложат и замкнут в сарае, а те так сложат. Не скучайте такими хлопотами, я тоже для Вас сделаю что-нибудь скучное. Прилагаю 30 р. сер.

Еще: когда окончится переписка, отдайте, прошу Вас, мою рукопись переплесть в папку. Обрезывать листов не надобно, а разве чуть-чуть поровнять.

Еще: возьмите под свое покровительство Гурковского, соседа Красновских и напоминайте о нем Галагану до тех пор, пока Гурковский получит у него место.

Еще: в пятницу потрудитесь послать на Подол к живописцу Сенчилле, в дворянское училище, чтобы забрать у него купленную для меня посуду и перевезть в мою квартиру.

Преданный Ваш П. Кулиш

1855, ноября 15.

Еще: При случае заезжайте в дом Мартынова для осведомления, поддерживается ли теплота в моей квартире. Когда привезут рояль (может быть, он уже отправлен), прошу Вас распорядиться, чтоб его вынул знающий человек из ящика и поставил в комнате. За все эти одолжения требуйте у меня, что хотите.

Вашим добрым тетенькам - мой усерднейший поклон.

Поблагодарите графа Дебальмена за указание квартиры.

* * *

Юноша благий Василий Васильевич!

Посылаю Вам начало летописей. Договоритесь на 1200 экземпляров с его бумагой, оберткой и брошюровкой. Заглавный лист, на котором написано: печатать позволяется, только покажите и возьмите обратно, т.е. полулист 2 и 3-й, они мне нужны. Их наберут отдельно по отпечатании книги.

Ваш П.К.

1855, ноября 30.

Если потребует Завадский, дайте задаток. Если Завадский не возьмется напечатать к условленному времени, обратитесь к другому типографщику.

* * *

Коханий Паничу Василь Васильовичу!

Завіз я у своїх папірах Ваш костяний ніжик. Вложу його в ящик з книжками, котрий посилаю через транспорт пану Каменецькому.

Жінка моя дуже дякує Вам за мережану сорочку і за корячок, котрий послали з моїми ложками.

Що там у Вас у Києві діється? Чи весело живеться? А в нас тут добре, дарма, що непогодь щодня.

Цілую Вас щиро од серця. Писать більш не маю часу, бо ніколи борщу хльобнути, ніколи у смак заснути.

Ваш П.Куліш

1856, окт. 11.

С. Петерб.

* * *

О юноше благий Василіе Васильовичу!

Прошу Вашої ласки: загляньте у мою скриню, й коли там єсть 1-й - 2-й томи Пам'ятників Київської Комісії, то одошліть зараз до Каменецького, щоб переслав до мене. Коли ж там 1-й і 3-й томи, то Ви 3-го не посылайте, бо в мене тут єсть, а приложите до 1-го свій другий том і одошліть Каменецькому.

Спасибі Вам, що потурбовались і знайшли з Каменецьким деякі мої папери.

Бувайте ж здоровенькі да не забувайте Вашого широкоприхильного земляка П.Куліша.

1856 ноября 16.

С.Петербург

Будьте ласкаві, знайдіть іще в малому сундучку рукопись Жемчужникова, казки которі він записав. Там і надпис єсть. То оддайте Каменецьким, щоб укупі з книжками прислав.

Да ще там у сундучку єсть недомальована Мати Божа, то й ту одошліть Каменецькому - нехай у його лежить до случаю, а нарощне не посылаєть.

Проповіді вийдуть у світ через три дні і уже у зшивальщика. Пришлю Вам по екземпляру на душу, поки дійдуть до Вас ящики для миру. Коли б дав Господь, щоб читаючи їх, подвигнулась душа Ваша за все розумне і добре! А скажу Вам щиро - і не блазнитесь Ви словами моїми - що не один там стих написан кров'ю моєю, а не то, що слезами.

* * *

Юноше благий Василю Васильовичу!

Дуже звеселив мене любий лист Ваш, що в Києві таки схаменулись на Тараса. Гроші пошліть так, як я писав, пану Галагану, чи пану Ригельманові, а що пишете про рисунки

для кам'яниці, то було в мене їх трохи, да ніяк не знайду між паперами. Як попадуться на очі, то зараз пришло. Тільки не раджу Вам, мій голубе, мурувати кам'яницю, поки ми з Левком вернемось із чужих земель. Будемо ми прохажати через Слав'янщину, вбачатимем старосвітську будову, розметикуємо її добрим розумом і введем на папері всякі будинки, панські й мужичі, як їх будувати подобає по щиро слов'янському, а не по німецькому стилю. А тепер Ви попусете запас і збудуете сміховище, а не кам'яницю. Коли ж Вам уже пильно припало, то не забудьте хороший чертеж Черніговської кам'яниці, що стоїть на валу - як вона знадвору і як із середини вимурована - да й поставте собі таку штуку в Качанівці, пустивши частину на піддашше - тим же самим важким стилем. На сю будову всяке дивитиметься з ушануванням, як на кожні стародавні речі, й ніхто Вашого смаку не зневажить.

Пан отець Ваш другий день, як виїхав, то й записочки Вашої не оддав я йому, а вертаю Вам назад.

Що ж ви, Паничу! чи потоваришили з студентами? чи єсть між ними хороші люде? Здається, в Києві можна б рости не одним тополям.

Пані моя гостює на Україні, а я кланяюсь усім Вашим сем'янам щирою душею... будьте ласкаві, заберіть у Марії Павловни Дебальменихи мої романи Вальтер Скотта, бо то книжки моєї пані, котора просить прислати їй, хоче перечитать, живучи без діла...

Я привезу Вам свідительство в Качанівку, а тепер нельзя швидко його достать, треба довго держать Вашого посланця. Вийду я, або 1-го або 2-го сентября із Мотроновки, то й буду в Вас коли не 2-го, то 3-го числа. Глядіть же, не одлучайтесь нікуди з господи.

Р.Б. 1857, августа 25.

П.Кулиш.

* * *

1869, февраля 20. Венеція.

Милостивый Государь Василий Васильевич!

Вы не отвечаете на мое письмо, доставленное Вам одним общим моим знакомым. Каковы бы ни были причины Вашего молчания, решаюсь писать к Вам еще раз.

С самого юного возраста Вы заявляли себя весьма выразительно последователем русской идеи народности, основанной на этнографических законах, которых положительность признана лучшими европейскими умами. В настоящее время по всем внешним признакам Вы остаетесь верны той же идее. Это дает мне право говорить с Вами без обиняков о предмете для нас обоих общем.

Вы видите перед собою наших соплеменников, Галицких Русинов, отстаивающих свою народность против ляхов с удивительною энергиею и стойкостью. При всей своей бедности они в настоящее время печатают полный перевод Библии на украинско-русский язык, стихотворный перевод книги Иова и такой же перевод Псалтыря. Сверх того, они готовят к изданию большой словарь укр.-рус. языка, полное собрание народных дум и песен и другие подобные книги. Издерживая большие деньги на роскошь, Вам должно быть совестно не принять соответственного участия в этом деле, имеющем историческое значение. Объясняю себе Вашу пассивность незнанием означенных фактов и потому, доводя о них до Вашего сведения, я бы советовал Вам, как старый друг-молодец, засвидетельствовать о достоинстве Вашего украинско-русского образа мыслей пожертвованием, которое ускорило бы ход великого дела и обеспечило бы его от самых прозаических затруднений. Я предлагаю честь Вашему имени в настоящем и будущем. Поэтому слова мои совершенно просты. Благоволите ассигновать 10000 рублей на поддержание рус. элемента в Галиции. Может быть, у Вас такой суммы нет в наличности, в таком случае пришлите на первый раз, сколько Вам угодно, а для высылки остальных денег извольте сами назначить сроки. Когда же Вы оставите мое предложение без внимания, тогда мы станем относиться к Вам как к человеку совершенно чуждому лучшим нашим убеждениям.

За границей я намерен остаться года два, ни в каком случае не меньше года. Этого требует мое здоровье, расстроенное умственными трудами на государственной службе.

Истинно преданный Ваш П.Кулиш.

* * *

Милостивый Государь Василий Васильевич.

Хозяйственные мои дела не позволили мне воспользоваться ни одним из Ваших любезнейших приглашений. Верьте словам моим, хотя Вам, при Ваших обстоятельствах и трудно представить столь крайнюю необходимость постоянно сидеть дома. В непродолжительном времени должны произойти хозяйственные события, которые позволят мне посетить Вашу очаровательную и гостеприимную Качановку. Тогда, побеседовав со мною, Вы - я уверен, меня извините.

Между тем позвольте сделать Вам следующее предложение. В моем распоряжении находится 21 дес. лесу и сенокоса. Густого леса на этом пространстве, можно полагать, 10 десятин. Дров выйдет не менее 300 саж., но лес не весь дровяной, а на половину строевой. Вообще он состоит из берез, осины и дуба, береза помоложе, осина старее, а дубы очень старые, есть и высокие осокоры. Цена всему вместе с землею 2000 руб., без земли не продается. Сенокос превосходный, так что если 300 саж. дров ценить в 1500 р., то покупщики сенокоса найдутся в Борзне, от которой лес отстоит на 4 версты, а именно между хутором Кругликовой и владениями Свирского, возле Касьяновых хуторов. Извольте также принять к сведению, что все 21 десятины обнесены старым окопом, почему и называются Демидовским окопом /иначе Демидовщина/. Уступки из 2000 р. не будет; деньги все разом.

Вот Вам все условия моего предложения.

1872 апр. 28. Борзна.

П.Кулиш.

P.S. Пишу чужим пером в Мировом Съезде и потому едва ли узнаете мой почерк.

* * *

Милостивый Государь Василий Васильевич.

На имение Василия Михайловича было запрещение за 600 руб., которые он задолжал давно родственнице своей Сребдольской. Эти 600 р. я уплатил, и запрещение теперь снято. Следовательно препятствие к выдаче Вам купчей на Демидовщину устранено, о чем считаю долгом Вас уведомить.

Не нужно ли Вам сажень 500 осиновых и ольховых дров? Могу продать Вам саж. 50 и дубовых. Рубка да будет Ваша. Цена сажени на месте /с Вашею рубкою/ 5 руб. /дуб. по 7 р./, но при этом вот какое условие. Дровосеки обязаны срубить деревья низко и сложить в купе голье, негодное для дров, да сверх того окончить рубку через месяц, вывозка же может производиться и зимою, но не позже, как по 1 марта 1873 года. Деньги за условленное кол-во саженей я получу вперед. Местность назначенного к срубке леса - возле Матроновки и Пиддубня.

Благоволите поспешить ответом, потому что жида торгуют у меня лес, который годится и на постройки.

П.Кулиш.

P.S. Через месяц или полтора опять уезжаю за границу, но уже вдвоем и надолго.

1872, сент. 1.

Пиддубень.

* * *

Милостивый государь Василий Васильевич!

В Киев приехал я, между прочим, и вот по какому делу. Столичная журналистика при всем своем желании изображать прошедшее и настоящее русских провинций, часто судит о них так, как судил некий Чабан о вкусе каши: чув я, як говорили, що бачили, як їли.

С другой стороны, и провинциальная пресса вдается нередко в исключительность, а не то усиливается наперекор истории, покрыть все русские области одной и той же крас-

кой. Необходимо кому-то изображать с провинциальной точки зрения весь русский мир, насколько его влияние чувствовалось или чувствуется в нашем краю и в то же самое время представить русскому миру изображение нашего края с точки зрения - не только русской, но и европейской. За неимением людей, к которым я желал бы примкнуть для такой работы, решился сам я образовать орган, который бы, разрабатывая украинский элемент без вредной для него исключительности, служил проведением в нашу публику понятий, очевидно в ней мало распространенных. Для получения разрешения на издание так называемого Киевского журнала, необходимо благорасположение к редактору местного генерал-губернатора. Я надеялся, что известная Вам особа вызовется предварить его о моем появлении в качестве ходатая; но она никак не может отделить от проектируемого мною ежемесячного издания украинскую тенденцию к сепаратизму и потому не догадалась, в каких видах я показал ей программу, а ограничилась только советом представить ее генерал-губернатору. Я не виню сию особу потому, что ей недосуг было вникать в мою философию истории, и она совершенно простосердечно игнорирует несколько лет моей жизни, посвященных весьма прилежным разносторонним изучениям. Генерал-губернатор, никем непредуведомленный, естественно взглянет на меня теми же глазами и потому я решился ждать более счастливых комбинаций. Мою идею не будет поздно осуществить и через 100 лет, а работы у меня и в одиночку довольно.

1876, марта 8
Киев.